

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГНЕВА В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

ГАЯНЕ ОГАНЕСЯН *

Ереванский государственный университет

Аннотация. В работе рассматривается повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и выраженная в ней тема гнева. Мы рассматриваем тему в рамках понятия семантического поля. В пределах художественного произведения семантическое поле намечает тенденцию к расширению и контекстуальной обусловленности. Обращаясь к опыту ученых, прежде исследовавших подобные темы, мы заимствуем у них понятие текстового семантического поля, которое возможно использовать как инструмент для нашей работы. Мы видим, что семантическое поле способно трансформироваться в тексте. Семантическое поле в художественном тексте выходит за рамки использования привычного для него инструментария (синонимии, деривации) и обретает трансформационный потенциал, свойственный речевой органике. Это прежде всего находит свое выражение в расширении границ поля. Расширение происходит за счет лексики (вхождения неожиданных для поля лексем), но также план семантического выражения распространяется на синтаксис и проявляется в изменении темпа, интенсификации (частоты употребления, повтора), сочетаемости. Гнев – важная характерологическая черта персонажа. Он как описание присутствует на подавляющем по величине отрезке текста. Возможности для выделения этой темы и ее рассмотрения мы видим и в плане наполнения текста (семантики, смысла, подтекста, метафорики), и в плане выражения, что подкрепляется подсчетом, количественным сравнением. Эта тема соседствует и пересекается в повести с другими темами и вкупе создает богатый, трагически описанный образ человеческой судьбы.

Ключевые слова: «*Отец Сергей*», семантическое поле, гнев, текстовое семантическое поле, контекст, смиренение, исключительность, лексика, синтез

Введение

При исследовании повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» выделяется важная черта персонажа – его вспыльчивость, которая имеет большое влияние на жизнь героя и линию его поведения. Соответственно тема находит выражение в языке описания в виде семантического поля. В его центре находятся лексемы *вспыльчивость* и *гнев*. Разрастание поля происходит за счет слов различной

* Гаяне Оганесян – преподаватель кафедры русского языка ЕГУ

Գայանե Հովհաննեսյան – ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս

Gayane Hovhannesyan – Lecturer at the Chair of Russian Language, YSU, Yerevan, RA

Эл. почта: gayane.hovhannesyan@ysu.am, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6320-8988>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 19.06.2024

Рецензия: 23.06.2024

Одобрено: 20.11.2024

© The Author(s) 2024

частеречной принадлежности, имеющих общий семантический признак, их дериваций и метафорического употребления.

Рассмотрение семантического поля внутри художественного произведения имеет свою специфику. Внутри произведения – это означает прежде всего внутри контекста. Семантическое поле в контексте художественного произведения имеет тенденцию к расширению, слово обретает новый потенциал в силу своих внутритекстовых связей. На примере «Отца Сергия» мы увидели, что чувство гнева может пересекаться с чувством смирения, монашеского послушания. Такое происходит, когда светский лев князь Касатский решает обратиться в монахи. Надев рясу, он проходит лишь внешнее преобразование, внутри он остаётся тем же гневливым князем и интенсивность переживаний в нём та же, что и при переживании гнева, пусть теперь это так называемая радость от смирения и послушания.

Ученые, исследуя функционирование семантического поля в художественном произведении, выдвигают понятие *текстового семантического поля*. Этот термин вбирает в себя обозначение тех трансформаций, которые текст привносит в привычное, традиционное понимание семантического поля, создавая «вымысел принципиально новой реальности» [Тюпа, 2009, с.30].

В контексте произведения семантические поля влияют друг на друга, способны доминировать и создавать в прозе определенный ритм посредством тех или иных схем употребления (частотности, повторов, словообразовательных и синтаксических дериваций).

Основная часть

Ученые говорят об «индивидуальной обусловленности и варьируемости поля» внутри текста [Караулов, 2010, с.269]. Семантическое поле текста является отражением языковой картины мира автора. Ю.Н. Караулов пишет о несовпадении границ полей «как между языками, так и в пределах одного языка – между полями у разных носителей» [Караулов, 2010, с.255]. Семантическое поле целесообразно рассматривать не только с точки зрения его системных характеристик, но и с точки зрения отображения авторской рефлексии в тексте.

Рассматриваемое нами семантическое поле гнева может быть одним у Толстого и совершенно другим у какого-либо другого писателя. Кроме этого, оно может быть одним в повести «Отец Сергий» и другим в романе «Анна Каренина». Индивидуальность семантического поля в тексте диктует языковое, окказиональное новаторство, нетипичные словообразовательные и синтаксические модели. Говоря о проявлении личности автора в тексте, В.П. Белянин выделяет понятие *эмоционально-смысловой доминанты*, под которой имеется в виду «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для автора текста как личности, и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [Белянин, 2022, с.62].

Хотя в самом произведении первым встречается слово «вспыльчивость», для названия поля мы выбрали «гнев», поскольку это слово шире по своему семантическому охвату. Например, в семантику гнева может входить то, что человек *делается зверем*. Что касается остальных выделяемых нами элементов семантического поля, то мы выбираем их из текста по принципу «наличия в

значении общих компонентов или общей направленности описания» [Попова, 1989, с.64], а также по принципу синонимии, гипонимии и оппозиции. Семантическое поле выделяется также на основе своей контрастной противопоставленности другой теме, в частности, теме смирения и послушания, характеризуемой соответствующей лексикой.

Противоположное семантическое поле имеет свои границы и одновременно вступает с другим полем в связи и пересечения. К центру семантического поля мы относим слова, присутствие которых очевидно в поле (например, синонимы *гнев* и *вспыльчивость*), а к периферии – слова, имеющие в различную деривационную, словообразовательную, синтаксическую и контекстуальную обусловленность. Например, *по поведению образцовый кадет, замечательно правдив* – на первый взгляд свидетельства безупречности Касатского, но с другой стороны характеристики гиперболические, создающие эффект тревожного ожидания.

Л.Н. Толстой в одном из своих писем пояснял смысл повести «Отец Сергий»: «Борьба с похотью тут эпизод; главная борьба с другим – с *славой людской*» [Толстой, 1953, с.310]. Честолюбие – главный порок князя Касатского. Его характер – добиться во всем наивысшего успеха, лучших результатов. Эта черта проявляется в сравнении князя с сестрой: «*Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, как и брат, понимала его*» [Толстой, 1953, с.201]¹. Для честолюбивого человека нет ничего более тяжело переносимого, нежели неудача, фиаско. Гнев – внешнее проявление этой эмоции. Именно эта черта портит *блестательный* облик Касатского: «Кроме того, и по поведению он был бы образцовым кадетом, если бы не его *вспышки гнева*» [195]. Подобная характеристика персонажа вводится в начале повести и задаёт тон. Далее Толстой продолжает: «Он не пил, не распутничал и был замечательно правдив. Одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него *вспышки гнева*, во время которых он совершенно терял самообладание и делался зверем» [196]. Обратим внимание здесь на повторение слова *образцовый*, которое является частью характеристики *блестательности* князя. Исследователи обращают внимание на сложный коннотативный характер приведенных описаний и считают их семантической и стилистической новацией Толстого. Д.А. Романов пишет о них: «Во многих произведениях Толстого, начиная с самых ранних, второй половины 1850-х гг., эти традиционно мелиоративные по оценочности прилагательные приобретают явно отрицательную коннотацию. Это одна из устойчивых черт языка писателя» [Романов, 2019, с.156]. Наращивание темы блестательности создает эффект тревожного ожидания (мы говорили о нём выше), который развенчивается в описании гнева князя. Приведём абзац, в рамках которого переключаются две темы, деля его на две половины: первая – блестательность Касатского, вторая – его гневливость:

*Одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него *вспышки гнева*, во время которых он совершенно **терял самообладание и делался зверем**. Один раз он чуть не выкинул из окна кадета, начавшего трунить над его коллекцией минералов.*

¹ Далее текст повести цитируется по приведенному изданию с указанием в скобках только страницы. Все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат автору статьи.

*Другой раз чуть было не погиб: целым блюдом котлет **пустил в эконома, бросился на офицера, и, говорят, ударил его за то, что тот отрекся от своих слов и прямо в лицо солгал. Его наверно разжаловали бы в солдаты, если бы директор корпуса не скрыл все дело и не выгнал эконома** [196].*

Абзац со своим симметричным построением внешне отображает разделение в характере Касатского на блестательность и резкие ее переходы в гнев.

Как же в повести выстраивается семантическое поле гнева? Если попытаться показать соотношение положительных и «гневных» характеристик князя на материале приведенного абзаца, то этот список в каждой своей части будет включать равное количество характеристик, по 10 в каждой: 1) блестящие способности, огромное самолюбие, первый по наукам, выше обыкновенного рост, красив, ловок, по поведению образцовый кадет, не пил, не распутничал, замечательно правдив и 2) вспыльчивость, вспышки гнева, совершенно терял самообладание, делался зверем, чуть не выкинул кадета, чуть было не погиб, блюдом *пустил в эконома, бросился на офицера, ударил его, из-за него выгнали эконома*. Эта борьба сопровождает князя на протяжении его пути к добродетели. Мы видим, что ему очень сложно дается монашество: честолюбие и гнев преследуют его. Рассмотрим проявление и выражение в тексте семантического поля гнева. Оно включает в себя слова различной частеречной принадлежности, что показывает широкий языковой функционал поля, возможность градуального характерологического описания:

существительное – гнев, вспыльчивость, самообладание, зверь, честолюбие, цель, отчаяние, первенство, совершенство, успех, преданность, кулак, достижение, силы; **глагол** – выкинул, трунить, погиб, ударил, задался, добиться, достигать, испытывать, пожертвовать, желать, овладеть, предостерегать, мучить, дошел до того, снести; **прилагательное** – беспредельный, бледный как смерть, огромный, несомненный, страшный, наивозможнейший, гордый, бледный; **наречие** – совершенно, сильно/сильнее, страстно, больно, отлично, скоро, прямо.

Отдельный ряд составляют служебные части речи: чуть было, если бы, чем-нибудь, не только, именно, такой же и другие. Присутствие некоторых слов в данном ряду обусловлено контекстом. Например, успех является непременным результатом достижения честолюбивых планов Касатского и его «недостижение» прямо вызывало гнев. Вся лексика в той части, где описывается борьба Касатского с самим собой, может считаться составляющей частью поля гнева в тексте. О поэтическом тексте Ю.Н. Тынянов писал, что слова в стиховом ряду семантически действуют друг на друга в силу единства и тесноты ряда, «когда колеблющиеся признаки становятся настолько интенсивными, что они образуют общий семантический фон, смысл каждого слова является в результате ориентации на соседнее слово [Тынянов, 1965, с.125]. То же самое мы видим и в прозе, поскольку она обладает своим ритмом и своей поэтикой (как говорил сам Л.Н. Толстой, «поэзия – все, исключая деловых бумаг и учебных книг» [Толстой, 1955, с.3]). В этом плане Л.А. Новиков выделяет *текстовое семантическое поле* – тип полей, «продуктивный для изучения языка художественной литературы и поэтики» [Новиков, 2001, с.555]. Семантика и структура такого поля контекстуально

обусловлена и подвижна. В рамках художественного произведения пересекаются понятия семантического и тематического поля. Тема текстового семантического поля, согласно ученому, представляет собой «синтез ряда подтем» [Там же, с.557].

Приведем указанные слова в цитатах из произведения. В повести тема гнева сопровождает тему честолюбия и первенства. Поэтому постоянно пересекаются и дополняют друг друга лексемы этих двух полей. Поскольку гнев является сильной человеческой эмоцией, в сопровождающих эту тему лексемах как правило присутствует элемент крайнего выражения, сильной или, наоборот, слабой степени проявления действия, явления, характеристики. Мы видим, что Касатский *чуть не выкинул* кадета из окна, поскольку тот *трунил* над его коллекцией минералов. Тут *чуть не выкинул* и *трунил* близки по семантике неполноты действия, выполнения его не в полную силу: «*трунил*» может быть обиднее, чем «*смеялся*». Далее в тексте, после ввода темы гнева, сразу идет описание отношения князя к императору: «*страстно, именно страстно любил Николая Павловича*» [196]. И здесь мы видим в тексте стремление к семантике исключительности: «*Касатский испытывал восторг влюбленного, такой же, какой он испытывал после, когда встречал предмет любви. Только влюбленный восторг к Николаю Павловичу был сильнее: хотелось показать ему свою беспредельную преданность, пожертвовать чем-нибудь, всем собой ему*» [196]. Здесь интересна деталь *пожертвовать чем-нибудь*: наличие неопределенного местоимения говорит о бесконтрольности чувства, такой же, как при *вспышках гнева*. Крайняя степень выражения присутствует в метафоре *делался зверем*, в просторечности глагола *чуть не выкинул* (*кадета*), маркирующем уточнении *прямо в лицо* при глаголе *согнал*, усугубляющем неприятность лжи. При глаголах сильного физического воздействия *выкинул*, *погиб* присутствует уменьшительная частица *чуть* (*чуть было*), подчеркивающая семантику глагола. В характеристиках Касатского повтором присутствует лексема *быть* в эвфемистичной, метафорической форме *добиться*:

С внешней стороны Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа с самого его детства шла, по-видимому, самая разнообразная, но в сущности все одна и та же, состоящая в том, чтобы во всех делах, представлявшихся ему на пути, достигать совершенства и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей. Было ли это ученье, науки, он брался за них и работал до тех пор, пока его хвалили и ставили в пример другим. Добившись одного, он брался за другое. Так он добился первого места по наукам, так он, еще будучи в корпусе, заметив раз за собой неловкость в разговоре по-французски, добился до того, чтобы овладеть французским, как русским; так он потом, занявшись шахматами, добился того, что еще, будучи в корпусе, стал отлично играть [197].

Даже в описании блистательности князя присутствует и наращивается повтором семантика силы, воссоздающая картину гнева: *гнев – вспыльчивость – зверь – кулак – силы – быть*. Здесь присутствует прием употребления синонимии, лексического (контактного) и семантического повтора как средство наращивания

определенного смысла: *сложный – напряженный – работа – работать, достигать – добиваться – отлично играть, совершенство – успех – похвалы – первое место – хвалить – ставить в пример – удивление.*

Мы привели в пример небольшой фрагмент, эта же картина присутствует на протяжении следующего абзаца, большего по объёму. Не будем цитировать его полностью, приведем только отдельные фразы: *всегда была поставлена какая-нибудь цель; как бы ничтожна она ни была, он отдавался ей весь; достигал назначеннной цели, стремление отличиться; отличиться, достигнуть поставленной цели; задался целью наивозможнейшего совершенства, скоро стал образцовым офицером, опять с тем недостатком неудержимой вспыльчивости; почувствовав недостаток общего образования, задался целью пополнить его; добился того, чего хотел; задался мыслью достигнуть блестящего положения, выучился отлично танцевать, очень скоро достиг того, был зван на все великосветские балы, привык быть первым.* И все время это перечисление заканчивается мыслью, что, тем не менее, он не был собой доволен, что приводило к раздражению. И не только в конце перечисления, но и в самом перечислении рефреном постоянно присутствует мысль, что Касатский был недоволен то одним, то другим в себе. В целом глаголы *добиться* и *достичь* постоянно повторяются в первой части повести, до «обращения» Касатского. И в истории своей планируемой женитьбы князь ведет себя сообразно характеру. «Вступая в свет, он задал себе целью связь с женщиной света – и неожиданно для себя скоро достиг этого» [198] – так описывается «победа», которую одержал князь и здесь. Заканчивается история плачевно, очередной вспышкой гнева Касатского, когда он, разочаровавшись в невесте, закончил отношения с ней и ее семьей тем, что поднял «огромный кулак и, повернувшись, убежал» [200]. После большого разочарования в любви он решает стать монахом, отдаваться служению Богу. Здесь интересно видеть, как преломляется гнев Касатского и, соответственно, его описание в тексте. Л.Н. Толстой пишет, что при поступлении в монахи «в нем было <...> истинно религиозное чувство <...>, которое, *переплетаясь с чувством гордости и желанием первенства, руководило им*» [201]. Здесь обозначается борьба, которая ведется в Касатском при обращении его в отца Сергея. Внешне он был монахом, но внутри он оставался тем же Степаном Касатским, для него по-прежнему важным было чувство достижения цели: «Вообще на седьмой год своей жизни в монастыре Сергию стало скучно. Все то, чему надо было учиться, все то, чего надо было *достигнуть*, – он *достиг*, и больше делать было нечего» [203]. Став монахом, Касатский при всех своих стараниях не может изменить свой характер:

<...> Касатский, так же, как и во всех делах, которые он делал, и в монастыре находил радость в *достижении наибольшего* как внешнего, так и внутреннего *совершенства*. Как в полку он был не только *безукоризненным* офицером, но таким, который делал *больше того, что требовалось*, и расширял рамки *совершенства*, так и монахом он старался быть *совершенным...* [202].

В одном предложении мы видим ту же лексику, которая присутствовала при описании Касатского в его другой ипостаси. Слова *достижение – наибольшего – совершенство – больше того – совершенный* (трижды повторение этой семьи в

предложении) – лексика семантического поля исключительности, входящего в тему гнева и пересекающаяся с семантическим полем гнева в произведении. На протяжении всего фрагмента мы наблюдаем синтез темы достижений и смирения (кажущегося Сергию): *радость в достижении совершенства, в достижении всех христианских добродетелей, в первое время казались легко достижимыми, победа над грехом похоти, внутреннее совершенство, радость в достижении, радость давало сознание смирения, смирение доставляло радость, расширял рамки совершенства, совершенство облегчало ему жизнь, все это уничтожалось послушанием, возможность сомнений уничтожилась, интерес жизни состоял все в большем и большем смирении (большем и большем покорении), несомненность поступков.* Присутствует повторение слов: радость – 7 раз, достижение – 3, совершенство/совершенный – 4. В этом мы видим расширение лексико-семантического поля гнева до тематического поля, которое в рамках художественного произведения воспринимается как текстовое семантическое поле, о чём мы говорили выше. В нарочитом использовании лексики исключительности воссоздается тот же характер Касатского:

Кроме того, великий соблазн для Сергия состоял в том, что игумен этого монастыря, светский, ловкий человек, делавший духовную карьеру, был в высшей степени антиподичен Сергию. *Как ни бился с собой Сергий, но не мог преодолеть этой антипатии.* Он смирялся, но в глубине души не переставал осуждать. И дурное чувство это *разразилось* [204].

Иногда Сергия *охватывало* раскаяние в своем обращении [203]. Мы встречаем такое сочетание, как *монашеское честолюбие* – яркий пример пересечения рассматриваемых нами тем. Если раньше гнев приобретал какую-то форму, то теперь происходит то же в борьбе с соблазнами: «<...> Соблазн этот поднялся с страшной силой и дошел до того, что получил определенную форму» [204]. Как в приступах вспышчивости, внутреннее эмоциональное напряжение выливается в материальную форму, что находит свое выражение в тексте через накопление соответствующей описательной лексики: *сказал он бледнея и с трясущимися губами, гордость, неспособность бороться, каяться в грехе гордости, причиной всему гордость, вспышка гнева, не мог перенести.*

По сюжету мы знаем, что в конце ему открывается чувство смирения, когда он видит образ жизни и поступки Пашеньки. «Драматический поиск собственной души» [Лученецкая-Бурдина, 2014, с.190] увенчался, наконец, для Сергия успехом. Он сам говорит себе:

Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодеятельствованных мною для людей. Но ведь была доля искреннего желания служить богу? [234].

Вот из этой доли для отца Сергия и начинает рождаться истина только к концу повести.

Заключение

Мы рассмотрели функционирование семантического поля гнева в повести «Отец Сергий» и пришли к следующим выводам: 1) семантическое поле гнева выражается в тексте повести соответствующими лексико-семантическими элементами; 2) понимание семантического поля при рассмотрении художественного текста расширяется до понятия текстового семантического поля; 3) текстовое семантическое поле (обусловленное контекстом) может включать в себя нестандартные для представляемого семантического поля лексические единицы.

Рассмотрение семантического поля в рамках художественного произведения имеет свои особенности и коннотативную обусловленность.

Центр поля выделяется в повести благодаря повтору (мы приводим статистический подсчет). Далее мы допускаем расширение границ поля за пределы узкой семантики гнева.

В «Отце Сергию» тема гнева пересекается с темой смирения и монашеского послушания. Находясь, как ему кажется, в смирении и испытывая радость от этого, отец Сергий на самом деле не изжил в себе честолюбивого князя Касатского, способного от злобы и гнева чуть не убить. На определенном отрезке сюжета, до истинного обращения князя в отца Сергия, гнев Касатского скрыто присутствует в его тщетных попытках смирения, пока он не научается, как объясняет ему игумен-наставник, смиряться не ради своей гордости, а ради Бога.

ИСТОЧНИКИ

Толстой, Л.Н., 1953. Собрание сочинений в 14 томах. Т.12. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Толстой, Л.Н., 1955. О литературе: статьи, письма, дневники. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белянин, В.П., 2022. «Печальные» тексты в художественной литературе. *Журнал филологических исследований*. 7(4), сс.61-65.

Караулов, Ю.Н., 2010. *Общая и русская идеография*. Москва: ЛИБРОКОМ.

Лученецкая-Бурдина, И.Ю., 2014. Реконструкция художественного целого в повестях Л.Н. Толстого 1880-1890-х гг. *Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки*, 1(2), сс.188-192.

Новиков, Л.А., 2001. Эскиз семантического поля. В кн.: Новиков, Л.А. *Избранные труды. Т.2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea*. Москва: Изд-во РУДН, сс.554-570.

Попова, З.Д., Стернин, И.А., Беляева, Е.И. и др., 1989. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.

Романов, Д.А., 2019. Философский и психологический опыт нравственно-этических поисков личности в художественно-языковой рефлексии (на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий»). *Вестник московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru [дата обращения: 20.11.2023]

Тынянов, Ю.Н., 1965. *Проблема стихотворного языка*. Москва: Советский писатель.
Тюпа, В.И., 2009. Анализ художественного текста. Москва: Академия.

REFERENCES

- Belyanin, V.P., 2022. «Pechal'nye» teksty v khudozhestvennoy literature [“Sad” Texts in Fiction]. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy* [Journal of Philological Researches]. 7(4), pp.61-65. (in Russian).
- Karaulov, Yu.N., 2010. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow: LIBROKOM Publ. (in Russian).
- Luchenetskaya-Burdina, I.Yu., 2014. Rekonstruktsiya khudozhestvennogo tselogo v povestyakh L.N. Tolstogo 1880-1890-kh gg. [Reconstruction of Art Whole in L.N. Tolstoy's Stories of 1880-1890]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Humanitarian studies]. 1(2), pp.188-192. (in Russian).
- Novikov, L.A., 2001. Eskiz semanticheskogo polya [Semantic Field Sketch]. In: Novikov, L.A. *Izbrannye trudy. T.2. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea* [Selected Works. Vol.2. Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea]. Moscow: RUDN Publ., pp.554-570. (in Russian).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A., Belyaeva, E.I. and etc., 1989. *Polevye struktury v sisteme yazyka: kollektivnaya monografiya* [Field Structures of Language: Collective Monograph]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ. (in Russian).
- Romanov, D.A., 2019. Filosofskiy i psikhologicheskiy opty nравственно-этических poiskov lichnosti v khudozhestvenno-yazykovoy refleksii (na materiale povedi L.N. Tolstogo «Otets Sergiy») [Philosophical and Phsycological Experience of Moral and Ethical Person Searches in Art-Language Reflection (Based on the Material of L.N. Tolstoy's Novel “The Priest Sergiy”)]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)*. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru [Accessed: 20 November 2023] (in Russian).
- Tynyanov, Yu.N., 1965. *Problema stikhotворного языка* [Problem of Poetic Language]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).
- Tyupa, V.I., 2009. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Literary Text Analisys]. Moscow: Akademiya Publ. (in Russian).

ԳԱՅԱՆԵ ՀՈՎՃԱՆՆԵՍՅԱՆ – Զայրույթի իմաստային դաշտը Լ. Ն. Տոլստոյի «Հայր Մերգի» վիպակում – Հոդվածում զայրույթի թեմայի լեզվական արտահայտումը դիտարկվում է իմաստային դաշտ հասկացության շրջանակներում: Գեղարվեստական ստեղծագործության մեջ իմաստային դաշտը լայնացման և կոնտեքստուալ պայմանավորվածության միտում է դրսուրում: Դիմելով նման թեմաներ դիտարկած գիտնականների փորձին՝ փոխառվել է տեքստային իմաստային դաշտի հասկացությունը և օգտագործվել է այն որպես աշխատանքի գործիք: Իմաստային դաշտը՝ որպես լեզվական կատեգորիա, ունակ է ձևափոխվելու գեղարվեստական տեքստի ամբողջականության մեջ և տալու նոր կարգի դիտարկման նյութը: Իմաստային դաշտը գեղարվեստական տեքստում դուրս է գալիս իր սովորական գործառույթների շրջանակներից (հոմանիշների, բառակազմության) և ձեռք է բերում ձևափոխման ներուժ: Դա առաջին հերթին արտահայտվում է դաշտի սահմանների ընդլայնման մեջ, որը տեղի է ունենում բառապաշտի հաշվին (արձանագրվում է դաշտի համար անսպասելի տարրերի մուտք), սակայն իմաստային պլանը դրսուրվում է շարահյուսության մեջ՝ տեմպի, ինտենսիվության (գործածման հաճախականության, կրկնության) և համադրության հնարներում: Զայրույթը, ոյուրագրգիր բնավորությունը գլխավոր հերոսի կարևոր բնութագրերն են: Այն առկա է տեքստի առավել մեծ հատվածում: Այդ թեմայի առանձնացման

հիմքը նկատելի է և՝ տերսու ներքին կազմում (իմաստային պլանի, ենթատերսու, մետաֆորիկայի), և՝ արտահայտման պլանի մեջ (տերսու արտաքին բնութագրի), ինչը ապացուցվում է հաշվարկով, քանակական համեմատությամբ: Այդ թեման զուգակցվում և խաչվում է վիճակի մեջ ուրիշ թեմաների հետ, ինչը միասնականորեն կերպարուում է վառ և ողբերգականորեն նկարագրված մարդկային ճակատազիր:

Բանալի բառեր – «Հայր Սերգի» իմաստային դաշտ, զայրույթ, տերսուային իմաստային դաշտ, համատերսու, խոնարհություն, բացառիկություն, բառապաշար, սինթեզ

GAYANE HOVHANNESYAN – *Semantic Field of Anger in L.N. Tolstoy's “Father Sergius” Novel.* – The work examines L.N. Tolstoy's story “Father Sergius” and the theme of anger/hot temper expressed in it. We consider the linguistic description of the topic within the framework of the concept of semantic field. Within a work of art, the semantic field shows a tendency towards expansion and contextual conditioning. Turning to the experience of scientists who have previously studied similar topics, we borrow from them the concept of a textual semantic field, which can be used as a tool for our work. We see that the semantic field as a linguistic category is capable of transformation in the text and provides material for new observation. The semantic field in a literary text goes beyond the use of its usual tools (synonymy, derivation) and acquires the transformational potential inherent in speech organics. This is the first we can see in the expansion of the field boundaries. Expansion occurs due to lexical content (unexpected to continue the field of lexemes), but also the semantic expression finds its manifestation in syntax through the techniques of tempo, intensification (frequency of use, repetition), compatibility. Anger is an important description trait of a personage. It is present in the overwhelming majority of the text. We see opportunities for highlighting this topic and considering it both in terms of filling the text (semantics, meaning, subtext, metaphors) and in terms of expression (external features of the text), which is supported by calculations and quantitative comparison. This theme coexists and intersects with other themes in the story and together creates a rich, tragically described image of human fate.

Key words: “*Father Sergius*”, semantic field, anger, text semantic field, context, humility, exclusivity, vocabulary, synthesis